

Сегодня бататную кашу сварили на рисе. Нин Гуйчжу пил густую, нежную рисовую кашу и невольно думал о молотье. Зерна в доме было достаточно, но и пшеница, и рис оставались неочищенными, поэтому всё это время ели в основном муку, купленную раньше.

Наевшись мучного, он начал скучать по вкусу риса. Хотя в уездном управлении рис можно было есть каждый день, домашний всё равно казался совсем другим.

Заметив, что Нин Гуйчжу задумался, Сюн Цзиньчжоу положил ему в чашку немного жареного вяленого мяса с луком и рубленого яйца с туной:

— Ешь нормально. О чём думаешь - подумаешь после.

— Ага...

Нин Гуйчжу откликнулся и, попробовав пару кусочков, слегка оживился. Лю Цюхун пожалела соевого соуса, поэтому в мясе его было немного, но даже этого хватило, чтобы убрать пресную солоноватость. А аромат зелёного лука сделал вкус мяса особенно насыщенным. Яичница с побегами туны - блюдо простое, но Лю Цюхун приготовила его очень удачно, хотя раньше Нин Гуйчжу сам такого не делал.

Зелень туны и яйца перемешались, в процессе жарки яйца стали золотистыми, а зелёные кусочки туны добавляли яркости - одно только блюдо выглядело аппетитно. А вкус был ещё лучше: ошпаренные побеги остались хрустящими, их резкий аромат смягчился, сочетаясь с нежностью яиц. По сравнению с жирноватым вяленным мясом, Нин Гуйчжу больше понравилось именно это блюдо. Он не удержался и взял ещё несколько раз, закусывая освежающими дикими травами, и в итоге съел две миски бататной каши.

Наевшись, вся семья по привычке ещё немного посидела и поболтала. Когда и вода в чашках закончилась, Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу встали и, взяв мула за повод, направились к себе домой.

Во дворе лежало несколько связок соломы и сухой травы. Сюн Цзиньчжоу наугад выбрал место, привязал мула и сказал Нин Гуйчжу:

— Я пойду переоденусь. Сено потом сам перенесу.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу посмотрел, как он зашёл в комнату, потом похлопал Маньтоу и погладил собак:

— Подождите, сейчас вам еду принесу.

Маньтоу лениво махнул хвостом и символически ткнулся в него. А вот две собаки были куда более восторженными. Если бы Нин Гуйчжу не стоял на корточках, они бы уже давно запрыгнули к нему на ноги. С трудом обойдя два «живых препятствия», он зашёл на кухню, взял три грубых лепёшки, сначала раскрошил порцию для собак и залил водой, затем, держа миску и оставшиеся лепёшки, вернулся во двор.

Высыпав еду собакам в кормушку, он посмотрел на мула, привязанного в стороне. Поставил миску, он развернул связку соломы, взял горсть и положил перед Маньтоу вместе с лепёшкой:

— За раз только одна. Не будешь есть солому - останешься голодным.

Маньтоу радостно махал хвостом и даже потянулся, слегка ткнувшись мордой в грудь Нин Гуйчжу. Тот не удержался и улыбнулся, погладил его по голове. Мул отступил, понюхал лепёшку, затем взял в рот соломинку и начал медленно жевать, при этом всё время не отрывая взгляда от лепёшки.

Сюн Цзиньчжоу вышел и, увидев, что Нин Гуйчжу кормит мула, задержал взгляд на мгновение, после чего закатал рукава и принялся переносить сено.

Услышав его, Нин Гуйчжу обернулся и подошёл помочь.

— Гуйчжу, иди лучше воду ставь, — сказал Сюн Цзиньчжоу. — Мне ещё в горы за бамбуком идти, потом для Маньтоу навес сделаю. Сегодня, похоже, придётся мыться.

Нин Гуйчжу не стал настаивать и добавил:

— Сделай побольше, надо ещё для кур, уток и для Давана с Эрцаем лежанки устроить.

Подумав, он добавил, подчеркнув:

— И сходи к старшему брату, дай ему немного денег, пусть завтра поможет с бамбуком. В этот раз обязательно заплати!

Ловить вредителей на огороде, кормить птицу или присматривать за домом - всё это делалось между делом, даже дети могли справиться. Но рубка бамбука - совсем другое дело: и сил требует много, и времени уходит немало.

Сюн Цзиньчжоу улыбнулся и кивнул:

— Хорошо, запомнил. Сколько дать?

Нин Гуйчжу немного подумал и спросил:

— А сколько у нас платят за подённую работу?

Сюн Цзиньчжоу припомнил:

— Примерно как носильщикам - от тридцати до сорока вэней. Если меньше, тогда ещё кормят.

Раньше, когда они платили всего десять вэней за переноску вещей, это было потому, что заказывали через лавку - там были свои постоянные носильщики, и выходило дешевле.

— Тогда давай сорок вэней, — решил Нин Гуйчжу. — Мы всё равно не сможем их ещё и накормить.

Сюн Цзиньчжоу, разумеется, не возражал. Обсудив всё, Нин Гуйчжу отправился на кухню. Пока Сюн Цзиньчжоу не сказал, он и не задумывался, но стоило услышать, как желание помыться стало почти нестерпимым. Нин Гуйчжу вымыл котёл, набрал из колодца полное ведро воды и поставил её греться. Затем достал лекарство и тоже поставил вариться на огонь.

Особого присмотра не требовалось. Он снял верхнюю одежду, замочил её в тазу, чтобы потом постирать, и приготовил чистую смену для себя и Сюн Цзиньчжоу. Туалет всё ещё не был приведён в порядок и пах неприятно. Нин Гуйчжу быстро управился и, тщательно вымыв руки, вернулся. В кухню идти не хотелось, поэтому он сел под навесом и занялся разложенными бамбуковыми полосками.

- Сделать ещё пару решетчатых корзин... потом несколько обычных... и останется немного, можно сплести короб для шитья. Нехорошо, что всё сейчас просто лежит на столе, — прикинул он.

Определившись, Нин Гуйчжу выбрал нужные полоски и бамбук и начал плести короб для рукоделия.

— ...деньги Чжу-гер велел передать. Если не хочешь брать - иди с ним сам разговаривай, — Сюн Цзиньчжоу уже начал раздражаться. Он сунул деньги Сюн Цзиньпину и, заглянув в сторону Ван Чуньхуа, добавил: — Невестка, если ты пойдёшь, не считается!

Ван Чуньхуа: «...»

Сюн Цзиньпин лишь беспомощно улыбнулся:

— Ладно, не переживай, не пуцу её. Пока не стемнело, давай сразу пойдём нарубим бамбука.

— Пойдём.

Сюн Цзиньчжоу взял тесак и вышел.

Сюн Цзиньпин положил полученные сорок вэней в руку Ван Чуньхуа:

— Держи.

— Ладно, — Ван Чуньхуа, пересчитывая сорок вэней, сияла от радости.

Кто же не любит деньги? Просто потому, что пришёл младший брат мужа, она и молчала, пока Сюн Цзиньпин отказывался. Да и характер у него хороший: что положено - то положено, в мелочах не придирается, а в серьёзных делах никогда не пытался нажиться за их счёт. Подумав об этом, Ван Чуньхуа привычно в душе прошлась по тем болтливым людям снаружи - только потому, что сами ни на что не способны, и думают, что и второй сын семьи Сюн такой же.

С улыбкой она обернулась и встретилась взглядом с Лю Цюхун. На лице её мелькнуло лёгкое смущение, и, сжимая монеты, она замерла на месте.

Лю Цюхун лишь мельком взглянула и сказала:

— Убери деньги и иди работать. На огороде пора удобрение разливать.

— Сейчас!

Ван Чуньхуа радостно убрала деньги, закатала рукава и проворно присоединилась к Лю Цюхун.

Принесённый бамбук уже обрезали и сложили во дворе, рядом лежали ветки. Нин Гуйчжу закрепил недоделанный короб для шитья, принёс братьям по чашке воды. Дождавшись, пока они напьются и снова возьмутся за работу, он убрал посуду и, стоя под навесом, потянулся, разминая затёкшие от долгого сидения и наклонов спину и шею.

Размявшись, он пошёл на кухню. Отваренное лекарство уже было выпито. Нин Гуйчжу зачерпнул полкотла воды и налил в деревянную бочку для купания, остатки горячей воды перелил в кувшин остывать, снова налил в котёл холодной воды, развёл сильный огонь и вышел из кухни. Добавив в бочку холодной воды до нужной температуры, он собрал длинные волосы на макушке, взял одежду и пошёл в купальню.

В комнате немного тянуло сквозняком, зато посторонний взгляд туда не попадал. Нин Гуйчжу спокойно и с удовольствием вымылся, а затем вышел и сел у водостока перед кухней стирать одежду.

Мыльные бобы для стирки купил Сюн Цзиньчжоу, тихо принёс домой, не говоря ни слова. Нин Гуйчжу заметил их только тогда, когда увидел пену во время мытья посуды.

Сумерки уже сгущались, и работать у леса было поздно. Братья решили, что на сегодня хватит: занесли оставшийся бамбук во двор и закончили работу.

Нин Гуйчжу развесил выстиранную одежду на жерди, заметил, что Сюн Цзиньчжоу сидит отдыхает, подошёл сзади и начал разминать ему плечи:

— Отдохни немного и иди мыться. После ванны спать будет легче.

— Угу, — отозвался Сюн Цзиньчжоу, наслаждаясь его руками, потом встал. — Я пойду мыться, а ты ложись.

— Ничего, подожду тебя.

Нин Гуйчжу стоял у двери кухни, наблюдая, как тот доликает воду в бочку. Когда Сюн Цзиньчжоу взял таз и сменную одежду и ушёл во двор, он снова взял недоделанный короб для шитья, вынес его наружу и, пользуясь остатками света, доделал работу.

Почти одновременно они закончили свои дела. Когда вернулись в спальню, на небе уже висела луна. Свет масляной лампы колыхался от лёгкого ветра, проникавшего в комнату. Сюн Цзиньчжоу ещё раз помассировал Нин Гуйчжу колено, закрепил мазь, после чего обнял его, укладываясь спать. За это время их отношения стали заметно теплее - перед сном они обычно немного ласкались. Но сегодня, после целого дня работы и тяжёлого труда дома, Сюн Цзиньчжоу был слишком уставшим: едва закрыв глаза, он хотел было ещё что-то сказать, но в следующую секунду уже провалился в сон.

Нин Гуйчжу поднял руку, ткнул его в щеку и, улыбнувшись, тоже прижался к нему и уснул.

На следующий день всё повторилось. Жизнь вошла в колею, и время словно ускорило: утром они выносили овощи на сушку, затем вдвоём - один ведёт, другой едет - отправлялись в уезд работать с мулом, около трёх часов дня возвращались домой, ели, потом занимались хозяйством.

Во дворе накопилось немало бамбука - всё это принёс Сюн Цзиньпин. Отдельно лежали комли, отдельно стволы, отдельно ветви, всё рассортировано, но занимало почти всё пространство. Последние дни они как раз и занимались этим бамбуком - разбирали, складывали, чтобы потом легче было строить навесы и клетки.

Племянник из родни Ван Чуньхуа в учебный класс так и не пришёл. Записаться он записался, но писарь велел ждать распоряжения. Через третьи руки новость дошла до Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу: уездный судья Чэнь разрешил подавать заявки в любое время, но расписание

занятий будут назначать отдельно. А когда нынешние ученики Нин Гуйчжу закончат обучение, именно они станут обучать следующих. Самому Нин Гуйчжу нужно будет лишь время от времени приезжать и проверять, всё ли идёт правильно.

Поглаживая бороду, уездный судья Чэнь сказал Сюн Цзиньчжоу:

— Нельзя же вечно нагружать одного только твоего супруга. А то, не дай бог, заболит, ты мне тут устроишь и плач, и скандал.

Сюн Цзиньчжоу:

— ...Господин, я вообще-то не ребёнок.

Уездный судья Чэнь добродушно рассмеялся:

— Тебе всего восемнадцать, вполне можно считать ребёнком.

Время пролетело незаметно.

Сюн Цзиньчжоу получил два выходных. Заглянул к уездному судье Чэню, узнал, что у Нин Гуйчжу тоже будет отдых, и только после этого, довольный, пошёл встречать его после занятий.

Едва увидел его, как Нин Гуйчжу радостно сказал:

— Сегодня управляющий мастерской приходил, сказал, что мне можно отдохнуть два дня!

Видя, как он радуется, Сюн Цзиньчжоу не стал говорить, что уже всё знает, и с той же радостью ответил:

— Вот это отлично! У меня тоже выходные на эти два дня, хоть немного передохнём.

Нин Гуйчжу энергично кивнул. В хорошем настроении они вернулись домой, и семья тоже порадовалась за них.

Хотя «отдых»... На деле это означало просто работу дома. За эти дни бамбук уже почти весь подготовили, как раз можно было воспользоваться выходными, чтобы соорудить навес для мула и сделать загоны для кур, уток и лежанки для собак.

— Надеюсь, завтра всё успеем, — Нин Гуйчжу лениво зевнул, устроившись в объятиях Сюн Цзиньчжоу. — Хоть один день бы нормально отдохнуть.

Они зашли в комнату пораньше, за окном ещё оставался свет, который проникал внутрь и немного освещал помещение. Сюн Цзиньчжоу опустил голову, потерся щекой о макушку Нин Гуйчжу и тихо «угукнул», поцеловал его в мягкие чёрные волосы и вдруг, словно невпопад, спросил:

— Чжу-гер ... ты всё ещё хочешь уйти?

Месяц назад он хотел, Сюн Цзиньчжоу это помнил.

Услышав это, Нин Гуйчжу повернулся и, при тусклом свете, посмотрел на Сюн Цзиньчжоу. В его глазах читалось напряжение, губы были плотно сжаты. Не дождавшись ответа, он заметно смутился, будто уже пожалел, что задал этот вопрос.

Нин Гуйчжу поднялся. Почувствовав движение, Сюн Цзиньчжоу инстинктивно крепче обнял его за талию. Но в следующую секунду Нин Гуйчжу сам подался вперёд и прижался к нему. Распущенные чёрные волосы скользнули по спине и укрыли их обоих.

И он тихо сказал:

— Больше не хочу.

Сердце Сюн Цзиньчжоу в этот момент заколотилось, как барабан.

Утро.

Солнца не было, небо затянули тяжёлые облака, но дождя тоже не предвиделось. Ветер тянул прохладой.

Нин Гуйчжу, зевая, вышел из кухни, сел на табурет, немного пришёл в себя и только потом неторопливо начал умываться. Вчерашнее «не хочу» было сказано сгоряча, но тот, кто его услышал, обрадовался слишком сильно. В итоге и сам Нин Гуйчжу разволновался - хоть поцелуй и остановились, голова долго оставалась ясной, и он даже не заметил, когда заснул. Зато проснулся с одним ощущением - сонливость.

Зевая, он закончил умываться, вернулся на кухню и, немного подумав, решил приготовить суп с лапшой. Нарезал мясо соломкой, замариновал в соевом соусе, сходил в огород за зелёным луком, нарезал его. Замесил тесто из смеси муки, тонко раскатал и нарезал лапшу.

— Чжу-гер, я тут зелени набрал, посмотри, когда её приготовить, — Сюн Цзиньчжоу вошёл с улицы, поставил плетёную корзину и, заметив, чем занят Нин Гуйчжу, подошёл сзади и,

вытянув шею, стал с любопытством наблюдать.

— Потом помой немного, сделаем холодную закуску с мясным соусом и будем есть с лапшой, — сказал Нин Гуйчжу.

— Хорошо, — откликнулся Сюн Цзиньчжоу и пошёл мыть зелень.

Обжаренное мясо выложили в чашку. В ту же сковороду налили горячую воду, дождались закипания, затем опустили лапшу, добавили соль и соевый соус, проварили немного, а в конце всыпали зелёный лук, и аромат сразу наполнил кухню.

Лапшу разложили по чашкам, оставшийся бульон пошёл на завтрак для собак. Затем в сковороду снова налили воду, довели до кипения, опустили зелень, быстро ошпарили, вынули и перемешали с двумя ложками мясного соуса, и получилась отличная закуска.

Нин Гуйчжу сел за стол и, заметив, что в обеих чашках бульона стало заметно меньше, сказал:

— Почему не начал есть? Сидел и смотрел, как лапша впитывает суп?

— Ждал тебя, — Сюн Цзиньчжоу взял палочки, подумал и добавил: — Если ты не против, чтобы я тебя кормил, в следующий раз такого не будет.

Нин Гуйчжу представил эту сцену, внутренне содрогнулся и поспешно покачал головой. Сюн Цзиньчжоу вздохнул с лёгким сожалением. Но ничего, в следующий раз можно просто попробовать. Вдруг Чжу-гер согласится?

День был пасмурный, ветер холодил, и в такую погоду чашка горячей лапши согревала всё тело от желудка до кончиков пальцев, принося тихое счастье.

А вместе с ним и ленивую расслабленность.

Посидев немного, они всё же поднялись: один пошёл мыть посуду, другой - приводить кухню в порядок.

Сюн Цзиньчжоу занёс вымытые чашки и, увидев, как Нин Гуйчжу открывает шкаф за грубыми лепёшками, сказал:

— Я уже покормил Маньтоу, когда вставал.

Сегодня он был необычайно бодрым: проснулся ещё до рассвета, накормил мула, собрал вредителей в огороде, сходил за зеленью и набрал целую корзину. Если бы Нин Гуйчжу встал

чуть позже, он бы ещё и бамбука нарубил про запас.

Услышав это, Нин Гуйчжу вернул лепёшку на место. Дел вроде больше не осталось, и он сказал:

— Тогда давай начнём строить им навесы.

Начали с самого большого - для мула. Бамбук уже был хорошо подготовлен: где нужно - расщеплён, где нужно - надрезан, часть прогрета на огне и изогнута. Оставалось только собрать и закрепить. Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу сначала перенесли бамбук, предназначенный для навеса, во внутренний двор.

Место выбрали заранее - рядом с забором у спальни. Здесь было подальше от огорода и уборной, зато если ночью что-то случится, они сразу услышат. Разложив бамбук по видам и размерам, они без промедления закатали рукава и принялись за работу.

<http://bllate.org/book/14958/1608516>